

ОКСАНА ВИКТОРОВНА ГАМАН-ГОЛУТВИНА ▶

Российская ассоциация политической науки

НИУ Высшая школа экономики

Страны Центральной и Восточной Европы – мост или поле боя?¹

Abstract

The article presents an analysis of the problems and prospects of relations between Russian Federation and Central and Eastern Europe (CEE). These relationships are discussed in broader political context of Russia's relations with the European Union. The author believes that in conflict situations the both parties are responsible. As an optimal strategy the author examines the possibility of linking the integration processes in the Eurasian region – the so-called "integration of integrations", that can become a framework for interfacing the national interests of Russia and the EU's interests. A special role in the normalization of relations in Eurasia the CEE countries are devoted to play – CEE may become a bridge between Russia and Western Europe.

Keywords: Central and Eastern Europe; Eastern Partnership; integration models; national interest; international conflicts

Аннотация

В статье представлен анализ проблем и перспектив отношений Российской Федерации и стран Центральной и Восточной Европы. Данные отношения рассматриваются в широком политическом контексте отношений России с Европейским Союзом. Автор полагает, что в ситуации конфликта ответственность несут обе стороны. В качестве оптимальной стратегии автор рассматривает возможности сопряжения интеграционных процессов на евра-

¹ При поддержке РФФИ, проект № 14-03-00815а.

зийском пространстве – так называемую «интеграцию интеграций», которая способна стать рамочным принципом сопряжения национальных интересов РФ и интересов стран ЕС. Особую роль в нормализации отношений в Евразии призваны сыграть страны ЦВЕ, которые могут стать мостом между РФ и Западной Европой.

Ключевые слова: Центральная и Восточная Европа, Восточное партнерство, модели интеграции, национальные интересы, международные конфликты

Размышление о непростых коллизиях отношений России со странами Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) побуждает вспомнить известную и имеющую почти универсальный характер закономерность, согласно которой наиболее напряженные отношения складываются порой между наиболее родственными и/или подобными с точки зрения происхождения и генезиса явлениями и образованиями. Это касается и биологических видов, и цивилизационных кодов-культур, и политических партий. Иначе говоря, внутривидовая конкуренция обретает порой особенно острый характер. Совместная история России и стран Центральной и Восточной Европы богата как непростыми страницами, так и периодами взаимовыгодного сотрудничества и партнерства.

Сотрудничество России и стран ЦВЕ и Европейского Союза в целом имеет прочную цивилизационную основу, поскольку обе стороны цивилизационно, а значит, ценностно, восходят к доктрине христианства. Нынешний конфликт России и ЕС – это, к счастью, не ценностный конфликт, а конфликт по поводу цен: он имеет политико-экономический характер, а значит, имеет более благоприятные перспективы разрешения, чем если бы он имел ценностный характер. Фундаментальное значение ценностей состоит в том, что именно ценности образуют сущностную матрицу цивилизационного разнообразия, и именно различия в иерархии ценностей формируют диверсификацию цивилизационной картины мира. При этом абсолютное большинство ценностей представляют собой сущностно оспариваемые понятия, что наиболее ярко касается таких понятий, как справедливость, зло и добро. Следовательно, ценностные конфликты –

наиболее глубокие в спектре возможных конфликтов и достижение согласия по вопросу ценностей наиболее труднодостижимо.

Тем не менее, в настоящее время диалог ЕС и РФ идет крайне тяжело, о чем говорит, в частности, факт принятия в ноябре 2016 г. Европарламентом по инициативе евродепутата от Польши Анны Фотыги резолюции, которая уравнивает политику российских СМИ и пропаганду исламистских террористических группировок (!). Диалог России с Восточной и Западной Европой и в прошлом складывался неровно, порой – нервно, и всегда в режиме маятника – притяжения – отталкивания (и это не случайно для однокоренных – то есть произросших из одного христианского корня – субцивилизаций). Европа никогда не прощала России даже то, что она прощала Азии... При этом значимые интеллектуальные идеи часто приходили в Россию с Запада (герой Ивана Тургенева говорил: раньше были гегелисты, а теперь нигилисты...). Особенностью этого диалога было то, что порой заимствованные из Европы идеи обретали в России статус божественного откровения. Если на Западе социализм в XIX веке был одним из интеллектуальных течений, в России XX столетия же он стал единственно верным учением. На смену социализму в этом качестве на исходе XX века пришел либерализм, но модус остался прежним. Особенностью сегодняшней версии диалога является то, что парадоксальным образом именно Россия неожиданно для себя самой предстала защитницей европейских – читай христианских ценностей: она парадоксально предстала большим католиком, чем сам папа, и именно Россия сегодня стремится удержать собор Парижской Богоматери от его окончательного превращения в мечеть. Желательно, чтобы эта неожиданная новость была осознана европейским интеллектуалами и политиками как минимум для того, чтобы Европа перестала быть разменной картой в чужих геополитических играх...

Особенностью современной европейской духовной ситуации является то, что Европа предстала театром военных действий, причем в двух смыслах: во-первых, бушует горячая гражданская война на Украине, которая, конечно, является частью Европы; и, во-вторых, продолжается метафизическая война за историю, при этом очевидно, что борьба за прошлое – это всегда борьба за настоящее и будущее.

Зима 2016–17 гг. – уже вторая по счету зима, которая – если перефразировать У. Шекспира и Дж. Стейнбека – становится зимой тревоги нашей, поскольку стратегическая стабильность предстает уходящей натурой. Конфликт на Востоке Украины и война в Сирии. Париж, казавшийся прежде вечным праздником, который всегда с тобой, и Ницца – этот символ беззаботности, обагрены кровью. Нынешнюю ситуацию по степени остроты опасности глобального столкновения обоснованно сравнивают с Карибским кризисом.

Уже в 2015 г. впервые в докладе Давосского Экономического форума о глобальных рисках, ожидающих человечество в ближайшее время, 900 всемирно признанных экспертов впервые за последние 20 лет на первое место поставили геополитические риски межгосударственных конфликтов. Другой опрос, проведенный в США журналом *Foreign Policy* с привлечением более тысячи американских экспертов, показал, что впервые за последние двадцать лет риск прямого военного столкновения США с Россией оценивается выше, чем между США и Китаем (*Foreign Policy* 2015).

В данном контексте следует иметь в виду то, что современные конфликты включают отнюдь не только столкновения с применением традиционных видов оружия, но также информационные, психологические, финансово-экономические, организационные, дипломатические войны, кибератаки и пр. форматы.

Отмеченные выводы экспертов следует рассматривать в глобальном контексте, а именно иметь в виду то, что в настоящее время осужняющим обстоятельством можно считать то, что исчезает консенсус относительно того, что считать абсолютным злом. В 1945 таким злом был признан фашизм, однако этот консенсус нарушен в широком диапазоне – начиная с мировоззренческого пересмотра итогов Второй мировой войны, и завершая возрождением фашистских практик на Украине.

Более того, можно констатировать, что к настоящему времени приутился ставший результатом Второй мировой войны страх нового глобального столкновения. В 1919 г., вскоре после завершения Первой мировой войны, Освальд Шпенглер поразил современников данным им ответом на вопрос о возможности новой мировой бойни. Он сказал, что новая война не только возможна, но даже неизбежна через

двадцать лет, поскольку в этом временном горизонте вырастет новое поколение, не знакомое с ужасами войны. Созданные на исходе Второй мировой войны институты глобального регулирования, прежде всего, ООН, обеспечили более семидесяти лет без всемирных войн. За этот период выросли почти три поколения, и сегодня казавшаяся вечной память об ужасах войны начинает стираться. «Есть вещи поважнее мира» – эта знаменитая фраза Александра Хейга звучит как лейтмотив сегодняшнего состояния умов. Таким образом, происходит неявное признание неизбежности войны.

В этом контексте следует принять во внимание фактическое изменение целей и характера современных войн и эволюцию их концептуального осмысления, о чем говорят недавно принятые документы. Так, в частности, в разработанной в 2014 г. Новой оперативной концепции армии США «Победа в сложном мире 2020–2040» впервые на уровне официального документа фиксируется принципиально новое видение облика войны: впервые официально говорится, что «жесткие противоборства будущего будут осуществляться в незнакомой обстановке и в незнакомом месте. При этом армии будут противостоять неизвестные враги, входящие в неизвестные коалиции» (Оперативная концепция армии США 2015).

Другой важной особенностью новых концепций противостояния оказывается отсутствие четкой грани между войной и миром, когда интенсивность конфликтов, его участники, поля боя и сферы противоборств становятся переменными величинами. Фактически речь идет о том, что появляется новое состояние – «мировойна» или «войномир». Конфликты обретают нечеткий характер: становится трудно установить время начала и завершения противоборства, а противостоящие стороны включают в себя как войсковые подразделения, так и иррегулярные формирования, как ополчение, так и частные военные компании и т.п. (Оперативная концепция армии США 2015).

Для того, чтобы найти выход из этого крайне опасного состояния, важно адекватно артикулировать его истоки.

Если обратиться к европейскому измерению глобальной напряженности, то приходится констатировать, что после поражения СССР в холодной войне победители однозначно взяли на вооружение принцип «победитель получает все» – в том смысле, что отношения

с правопреемницей СССР – Российской Федерацией – стали строиться по принципу «игры с нулевой суммой». Это выразилось в том, что сфера влияния победителей, в том числе в формате НАТО, неуклонно расширялась на Восток. В 1990 годы – за счет стран Центральной и Восточной Европы; в нулевые, после интеграции в орбиту государств ЦВЕ, – за счет государств постсоветского пространства. Это особенно рельефно проявилось в случае «оранжевой революции» на Украине 2004 г. и в ходе реализации программы «Восточное партнерство», которая была построена без России и потому была воспринята в РФ как направленная против РФ. Это игнорировало откровенно сформулированную в концепции внешней политики России позицию о том, что приоритетным направлением внешней политики России является развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами – участниками СНГ, и этот регион жизненно важен для РФ – и в плане экономики, и в плане безопасности (Концепция внешней политики РФ). Позиция РФ в грузинских событиях 2008 г. стала ее внятным сигналом о том, что по границе стран постсоветского пространства проходит красная линия, за которую Россия не готова отступить. Однако этот сигнал не был прочитан адекватно, и в 2014 году разразился полномасштабный кризис вокруг Украины, поставивший отношения России и Запада на грань разрыва впервые после окончания противостояния двух систем. Впервые за последние двадцать пять лет возникла угроза появления новой разделительной линии внутри Европы, которая поле завершения биполярности считалась самым стабильным регионом в мире.

Разделяю мнение экспертов о том, что сегодняшний кризис в отношениях России и Запада является следствием возникшего напряжения в полицентричной системе миропорядка в результате высокой скорости изменения его иерархичности. «Страны ЕС, переживающие затяжную рецессию, интеграционный и миграционный кризисы, и США, завершающие десятилетие проигранных войн в Афганистане и Ираке, упустили из виду восстановление субъектности новой России, ее собственные интеграционные интересы. Если 15 лет назад, во время Югославского кризиса, Россия не обладала ресурсами для отстаивания своих интересов, то к 2014 г. ситуация изменилась. Поддержка Западом смены режима в Киеве осуществлялась без учета это-

го важного обстоятельства. Именно поэтому последствия оказались столь неожиданными для него. Конечно, не обошлось и без собственных тактических ошибок и просчетов, как со стороны Брюсселя, так и Москвы. Этих ошибок с обеих сторон было немало», – отмечают А.А.Дынкин и Н.К.Арбатова (Дынкин и Арбатова 2016: 255).

Особенностью нынешней версии холодной войны в Европе стало то, что конфликт на Украине объективно выдвигает страны Центральной и Восточной Европы на передний рубеж этой новой конфронтации. Это актуализирует необходимость большей гибкости стран ЦВЕ, особенно в условиях, когда после брекзита в ЕС усиливается франко-германское ядро. В условиях усиления конфронтации потенциально наибольшие издержки могут понести расположенные между западом ЕС и РФ страны ЦВЕ – судьба Украины, которая переживает полномасштабную политическую, экономическую, катастрофу и коллапс безопасности – это показывает наглядно.

Эксперты обоснованно полагают, что зарождение украинского кризиса следует отсчитывать от запуска инициированного Европейским Союзом проекта «Восточное партнёрство» с последующим подписанием к нему планов подписания Соглашения об Ассоциации Украина–ЕС. Попытки Москвы включиться в процесс в надежде защитить свои интересы наталкивались на высокомерное игнорирование, и *такая политика Запада укрепляла у Кремля представление о том, что Запад понимает только силу (Погребинский 2015: 169, 171).*

Важно упомянуть также экономическое измерение кризиса, в том числе ввиду позиции крупнейших внерегиональных игроков. Ослабление геополитических позиций США, и нарастающие проблемы экономики побудили США выдвинуть идею изменения правил мировой торговли посредством заключения двух масштабных торговых соглашений, которые одновременно ослабят конкурентов, в частности, Китай и ЕС, причем в последнем случае еще и за счет средств России.

В США расценивают экономический подъем Китая в качестве наиболее значимого вызова для США XXI века, и Вашингтон не может не проявлять беспокойства в связи с растущей экономической и военной мощью КНР. В этом контексте весьма значим факт подписания в 2016 г. после почти 10-летних переговоров Соглашения по договору о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП). Совокупный ВВП

12 стран ТТП превышает \$28 трлн., что составляет почти 40% мирового ВВП; на эти страны приходится более четверти оборота мировой торговли. Администрация Б.Обамы, приложившая интенсивные усилия для подписания данного Соглашения, не скрывала, что помимо экономической в проекте ТТП есть и весомая политическая составляющая. Торгово-экономический блок в АТР создавался без участия Китая и во многом, как сказал Б. Обама, для сдерживания амбиций Пекина. «Мы должны убедиться, что это США, а не страны вроде Китая пишут правила для глобальной экономики в XXI веке», – заявил Барак Обама, обращаясь в апреле 2015 года к Конгрессу (Коммерсант 2015). Избрание Д.Трампа президентом США и его заявление о нецелесообразности данного Соглашения проблематизирует реализацию данного Соглашения.

Что касается конкуренции США и ЕС, разработчики европейского направления американской политики полагают, что заключение активно продвигавшегося на протяжении нескольких лет со стороны США Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП) позволит повысить конкурентоспособность американской экономики за счет ЕС: страдающей стороной этого соглашения предполагается ЕС, которому в качестве утешительного приза была обещана зона свободной торговли с Украиной. После уничтожения украинской промышленности это замыкает на Европу 45-миллионный рынок Украины. Эксперты обращают внимание на то, что через зону свободной торговли в рамках СНГ ЕС должен был получить выход на рынки СНГ, прежде всего России. Это минимизировало европейские потери от планировавшейся к подписанию зоны свободной торговли между США и ЕС, в которой страдательной стороной был Евросоюз: потери от зоны свободной торговли с США Европа должна была компенсировать за счёт России и СНГ. Понятно, что создававшие эту схему внерегиональные игроки беспокоились не о компенсации европейских финансово-экономических потерь, а о своих геополитических интересах: данная система зон свободной торговли, действовавшая как «кротовая нора» из США прямо в СНГ, обесмысливала Таможенный союз и ставила, таким образом, крест на всех российских интеграционных проектах в Евразии. Одним ударом США восстанавливали своё политическое и экономическое домини-

рование в мире, причём заплатить за это должна была Россия. «Схема изящная, и все ее взаимосвязанные элементы – от подписания соглашения об ассоциации Украина–ЕС до соглашения о зоне свободной торговли США–ЕС, – были уложены в жёсткую схему и скоординированы по времени. Выемка одного кирпичика обрушала всё здание (Ищенко 2015). Предложение Януковича отложить (не отказаться!) подписание Соглашения об Ассоциации ЕС и Украины вызвало майдан 2013-14-гг.

Особая роль в данных событиях отводилась Польше. Бывший президент Польши А. Квасьневский был плотнейшим образом вовлечен в украинские коллизии – не случайно он посетил Украину в 2012–2013 гг. 29 раз, а польский министр иностранных дел Радослав Сикорский был одним из трех международных гарантов печально знаменитого гарантов 21 февраля 2014 г. Судьба этих гарантий оказалась незавидной...

Оценивая активность Польши, а также созвучных ей по тональности отношений в России стран Балтии, напрашивается вывод о том, что они не столько реализуют общеевропейские интересы, сколько являются проводниками интересов внерегиональных игроков. Их деятельность справедливо «рассматривать в связи с официально принятой администрацией США концепцией «геополитического плюрализма», в рамках которой новый союзник в Восточной Европе, по мнению американской стороны, располагает «набором средств, необходимым для того, чтобы затормозить интеграционные процессы в СНГ», отмечает Е.Г.Пономарева (Пономарева 2015: 86–87). В данном контексте не случайно эксперты Российской ассоциации политической науки (РАПН) пишут о том, что «страны Вишеградской группы могут и дальше использоваться в евроатлантической стратегии как вершина треугольника вклинивания в пространства бывшего СССР» (Гаман-Голутвина, Шишелина и Пономарева 2014). По существу ряд стран ЦВЕ и Балтии формируют свой курс по принципу антитезы всему российскому, что создает крайне неблагоприятный фон для диалога России и ЕС.

Какая стратегия в данной ситуации может быть эффективной? Представляется, что стоит взять на вооружение принцип разумного эгоизма – стоит радеть о своих интересах – Украина, принеся

в жертву свои интересы абстрактным ценностям – сегодня в руинах. ЦВЕ несет потери от контрсанкций – польские яблоки и венгерское мясо могут служить символом.

Выход видится в новом взгляде на будущее европейско-евразийских отношений. Россия предлагает рассмотреть возможность интеграции интеграций посредством заключения соглашения об экономической интеграции между Европейским союзом и Евразийским экономическим союзом. Проект «интеграции интеграций» объективно способен устроить многие его стороны, прежде всего, ЕС и ЕЭАС. Об «интеграции интеграций» говорил в своем выступлении в ООН Президент России В.В. Путин 28 сентября 2015 г.: «В противоположность политике эксклюзивности Россия предлагает гармонизацию региональных экономических проектов, так называемую интеграцию интеграций, основанную на универсальных прозрачных принципах международной торговли. В качестве примера приведу наши планы по сопряжению Евразийского экономического союза с китайской инициативой по созданию экономического пояса шелкового пути. И попрежнему большие перспективы видим в гармонизации интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза и Евросоюза»². Проблема, однако, состоит в том, как реализовать этот проект сегодня, когда реальностью является не «интеграция интеграций», а конфликт интеграций.

В этих условиях особую роль могут сыграть страны ЦВЕ. Дело в том, что главными бенефициариями продолжающегося внутри Европы кризиса являются транснациональные игроки, которые получили доступ к ресурсам (по бросовым ценам) и рынкам сбыта. Причем, если для поддержания социальных программ и процессов реформирования украинской экономики средства будут выделяться из бюджета ЕС, т. е. поступать от налогоплательщиков Союза, то интернационализировать ресурсы будут ТНК. Национальные интересы стран ЦВЕ, Украины и других стран ВП, при таком раскладе не учитываются вообще (Пономарева 2015: 85).

Другой стороной медали кризиса в отношениях РФ-ЕС является политика России. Как известно, в случае конфликта ответствен-

² <http://rusprav.tv/rech-putina-v-oon-polnyj-tekst-55079/>.

ность несут, как правило, обе стороны, и было бы неверно не замечать и допущенные Москвой просчеты. Трудно не согласиться с оценкой Л.Н. Шишелиной: со стороны России было крайне неосмотрительно не замечать набирающего авторитет и вес в Европе регионального игрока и практически соседа – Вишеградскую четверку. «И не только потому, что России, пора тоже на 25-ом году своего собственного существования возвращаться к себе и к свойственной ей континентальной геополитике и формировать, прежде всего, дружеское окружение. За 25 лет Россия, сосредоточившись на дальних целях, практически забыла о своих непосредственных соседях к западу, с которыми ее связывали десятилетия союзничества и совместных проектов. Мы так и не выработали новой формулы отношений, ни двусторонних, ни интеграционных. Все это на сегодняшний день привело к печальному результату, когда Россия и страны региона принимают решения по обходным транспортным потокам углеводородов и грузов, более дорогим, но зато позволяющим игнорировать дипломатию и гуманитарную плоскость наших отношений, заводя наши отношения в глухой тупик» (Шишелина 2015: 37).

На особенности позиции России обращают внимание и польские эксперты. Так, Р. Бэкер и Р.Лисякевич констатируют, что соседи практически не присутствуют в российской политической мысли – россиянам интересуют только то, что происходит в сверхдержавах. Осуществленный Эвой Чарковской анализ содержания важнейших официальных документов РФ по вопросам внешней политики России и политики безопасности показывает, что анализ показывает, что при концептуальном подходе Польша, а также весь регион Центральной и Восточной Европы, оказались вне главного направления деятельности российской дипломатии на международной арене. В иерархии направлений активности российской политики центрально-европейский район занял отдаленное место (Лисякевич 2015: 129–130).

Поэтому перед странами ЦВЕ стоит выбор – быть мостом между Западом и Востоком Евразии или стать полем боя... В этом контексте уместно упомянуть, что, к сожалению, поле боя после победы часто достается мародерам... Парадоксальным образом кратчайший путь стран Центральной и Восточной Европы к себе лежит через укрепление партнерства с Россией. И потому возобладавший ныне в Евразии

сценарий борьбы интеграций – тупиковый, и конфликт ЕС и РФ по поводу цен может перерасти в ценностный конфликт. Поэтому в отношениях России и со странами ЦВЕ, и с ЕС в целом нет позитивной альтернативы повестке строительства мостов – в области экономики, политики, культуры... Поскольку нынешние поля боя с учетом нынешних вооружений могут не оставить ни одной из сторон иной альтернативы, чем быть выжженной землей...

О.В. ГАМАН-ГОЛУТВИНА, доктор политических наук

Российская ассоциация политической науки
профессор-исследователь НИУ Высшая школа экономики
ogaman@mail.ru

OXANA GAMAN-GOLUTVINA, phd, professor

Russian Political Science Association
Higher School of Economics

Библиография

- Гаман-Голутвина, О.В. (отв. ред). Пономарева, Е.Г., Шишелина, Л.Н. (2015). *Председательство Латвии в ЕС-2015: „Восточное партнерство” вместе или вместе с Россией. Аналитический доклад РАПН.*
- Дынкин, А.А., Арбатова, Н.К. (2016). *Международные отношения в полицентричном мире и украинский разлом в политике России и Запада на постсоветском пространстве* // О.В. Гаман-Голутвина (отв. ред.), *Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития.* М.: Аспект Пресс. С. 255.
- Ищенко, Р. (2015). *С треском провалившееся государство.* Режим доступа: <http://www.odnako.org/blogs/s-treskom-provalivsheesya-gosudarstvo/>
- Концепция внешней политики РФ 2013 г.:* Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248
- Лисякевич, Р. (2015) *Влияние глобальных вызовов на польско-российские отношения* // Л.Н. Шишелина (ред.), *Россия и Центральная Европа в новых геополитических реалиях.* М.: ИЕ РАН.
- Океан беспошлинной торговли. Соглашение по Транстихоокеанскому партнерству достигнуто* // Коммерсант. 5.10.2015. <http://kommersant.ru/doc/2825827>

- Оперативная концепция армии США Победа в сложном мире. 2020–2040 // Мировойна. Все против всех. Новейшие концепции англо-саксов / Сост. Е. Ларина, В. Овчинский. Москва: Книжный мир, 2015. 416 с.
- Опрос экспертов Foreign Policy, насколько вероятна война между США и Россией. Досье дипломата // Международная жизнь. 2015. 5 февраля. <http://dossierdip.interaffaiis.ru/index.php/analitika/item/838-838>
- Погребинский, М.Б. (2015). *Европа и украинский кризис* // Л.Н. Шишелиной (ред.), *Россия и Центральная Европа в новых геополитических реалиях..* Москва: ИЕ РАН.
- Пономарева, Е.Г. (2015) *Партнерство как деструкция: реалии и перспективы программы «Восточное партнерство»* // Л.Н. Шишелина (ред.), *Россия и Центральная Европа в новых геополитических реалиях.* Москва: ИЕ РАН.
- Шишелина, Л.Н. (2015) *Центральная Европа за четверть века реформ* // Л.Н. Шишелина (ред.), *Россия и Центральная Европа в новых геополитических реалиях.* Москва: ИЕ РАН.